

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

.....

**БЕЛЫЙ ЦАРЬ –
И В А Н
ГРОЗНЫЙ**

КНИГА 2

Москва
ЭКСМО
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т 17

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.

Т 17 Белый царь — Иван Грозный : роман в 2 кн. Кн. 2/ Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2014. — 448 с. — (Русский исторический бестселлер).

ISBN 978-5-699-75514-1

Роман-эпопея об одном из величайших правителей Руси царе Иоанне IV Васильевиче, прозванном Иваном Грозным, представляет яркую, многоплановую картину далекого прошлого нашей страны и раскрывает сложные взаимоотношения народов той эпохи, неимоверными усилиями которых создавалась Российская империя. Властный, непредсказуемый, прозорливый самодержец, пожалуй, впервые представляется читателям живым, ранимым, страдающим человеком, который взвалил на себя величайшую ответственность за судьбу родины. Успехи русского царя во внешней и внутренней политике настолько впечатлили и изумили всех монархов того времени, что они вынуждены были всерьез считаться с интересами Руси. С нашими интересами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-75514-1

© Тамоников А., 2014
© ООО «Издательство «Приз», 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Глава 1

У СТУДЕННЫХ МОРЕЙ

Русский вечер.
Дымчатые дали.
Ржавые осколки на траве.
Веет древней гордою печалью
От развалин скорбных деревень.

Кажется, летает над деревней
Пепел чингизханской старины.
Но моей девчонке семидневной
Снятся удивительные сны.

Снится, что пожары затухают,
Оживает обожженный лес.
Улыбнулось, сморщилось, вздыхает
Маленькое чудо из чудес.

Юлия Друнина

На Руси происходили поистине великие события. Расширялась территория государства, укреплялась власть Ивана, успешно проводились политические, экономические, военные реформы. В далеком Соловецком монастыре тоже имели место значительные изменения, оказавшие прямое влияние на будущность страны.

Еще в 1548 году, после венчания Ивана на царство и его свадьбы с Анастасией, соловецкий игумен Алексей предложил монастырскому собору в качестве своего преемника инок Филиппа, то есть Федора Колычева, который к тому времени прожил в монастыре почти восемь лет. Для всей братии подобное

представление Алексея не стало неожиданностью, а, напротив, явилось само собой разумеющимся. Соловки до тех времен не видели более крепкого в вере, трудолюбивого, уравновешенного монаха, пользовавшегося непреклонным авторитетом.

К мнению этого достойного, уважаемого, рассудительного человека прислушивались и молодые послушники и почтенные, умудренные жизнью старцы. Посему решение собора было единодушным. Филипп стал игуменом Соловецкого монастыря.

С этого момента на Соловках начался новый этап развития. Филипп с присущей ему неумной энергией сразу же взялся за работу, проявил недюжинные способности рачительного хозяйственника и умелого организатора. При нем братия поставила на каналах мельницы. На ближних островах и в поморских вотчинах были возведены новые хозяйственные сооружения.

Царь не забывал друга своего тяжелого детства. Он жаловал монастырю земли, деньги, утварь.

Игумен Филипп был участником Стоглавого собора, но в то время не смог встретиться ни с царем, ни с другом, князем Ургиным. Пробыв на Москве всего сутки, он занемог, лечился в одном из удельных сел, а потом отправился обратно на Соловки, где его с нетерпением ждала братия.

Необходимо отметить, что игуменство Филиппа происходило не совсем гладко. У него произошел серьезный конфликт со старцем Зосимой. Дело рассматривалось митрополитом Макарием. По нему было вынесено решение не в пользу старца.

Этот случай можно было бы вполне оставить без внимания, если бы он впоследствии не сыграл роковую роль в судьбе честного Филиппа. Старец Зосима уехал из монастыря, но на Соловках остались его приверженцы, возненавидевшие игумена и готовившие подлую месть.

Однако вернемся к нашему повествованию.

Шел июль 1557 года от Рождества Христова.

Вечером князь Ургин при свечах сидел в горнице своего дома в Москве. На улице лил дождь. Дмитрий все чаще проводил долгие, нудные вечера в одиночестве. Он в мельчайших подробностях вспоминал счастливую жизнь с Ульяной. Ему становилось то тепло и радостно, то холодно и грустно.

Раздался стук в дверь.

— Князь, это я, Кирьян!

— Чего стучишься, если знаешь, что на двери запоров нет? — недовольно спросил Дмитрий. — Входи!

Кирьян вошел.

— Князь, у ворот инок какой-то. Говорит, что желает тебя видеть.

— Инок?

— В монастырской черной одежде. С посохом.

— Зачем он пришел, ты не спрашивал?

— Нет. Очень уж голос у него властный. Думаю, непростой человек.

— Так проводи его сюда. Зачем под дождем держишь? Сам-то во двор, поди, и носа не кажешь! Поспешай к гостю. Захочет переодеться, дай, во что, и веди сюда.

— Слушаюсь, хозяин!

Кирьян ушел. Князь Ургин поднялся со скамьи, поправил рубаху и подумал, кого это еще принесло в поздний час? И с добром ли?

Человек в мокром черном одеянии с капюшоном, наполовину закрывавшем лицо, вошел в горницу, встал у входа, опершись о посох. Сзади, напрягшись, застыл Кирьян, готовый наброситься на пришельца, если тот замыслит напасть на хозяина.

Но человек в черном глухим голосом произнес:

— Мир дому твоему, князь Ургин. Тебе, Дмитрий Михайлович, родным и близким твоим года долгие! По Ульяне же и Агафье скорблю и печалюсь.

Ургин удивленно спросил:

— Кто ты?

Гость отбросил капюшон.

— Здравствуй, Дмитрий!

Князь застыл в изумлении.

— Федор? Колычев? Но как?..

Кирьян увидел, что хозяин знает гостя и угрозы никакой нет. Он тихо вышел в коридор, затворил дверь и остался рядом с ней. На всякий случай.

Человек в черном улыбнулся и напомнил:

— Не Федор, Дмитрий, а Филипп. Или забыл? Федор остался в далекой молодости.

— Ладно, пусть Филипп. Удивил!.. Да скинь ты мокрое, не к чужим, к своим пришел.

— Ничего, у тебя тепло, Дмитрий. Ряса быстро высохнет.

— Тогда садись на лавку. Вижу, ты устал. С Соловков пешком сюда шел?

Филипп вновь улыбнулся.

— Нет, конечно. Сейчас я уже не дошел бы. А вот от пристани дальней — пешком. Как раз под дождь. Хотел было к митрополиту явиться, передумал и к тебе, другу своему, пришел. Рад ли ты мне, Дмитрий?

— Он еще спрашивает! Только в растерянность ты меня, игумен, ввел. Мог бы и предупредить. А то не знаю, что и делать. Все так неожиданно!..

— Князь Ургин и растерялся?

— А ты бы спокойно на лавке сидел, заявился я к тебе в келью на Соловках? Вот так же неожиданно, тайком, да под ночь?

— Извини, друг. А делать ничего не надо. Просто присядь, успокойся.

— Присядь?! Успею! Тебе с дороги поужинать надо. Кирьян! — позвал Ургин.

Слуга появился тотчас.

— Слушаю, господин!

— Давай бегом поварихе наказ передай, пусть ужин для дорогого гостя приготовит. И сюда все! Не в трапезную, а сюда, понял, Кирьян?

— Понял, князь. Только вопрос один имеется.

— Ну?

— Сын твой спрашивает, что за гость у нас.

— Сын? — Ургин все еще не мог прийти в себя. — Скажи, дорогой гость, желанный. Да ступай же ты!

Филипп поднял руку.

— Погодите! Благодарю тебя, Дмитрий, но я поужинал, меду с тобой отведаю, да и все. А сын пусть войдет. Познакомимся.

Ургин повернулся к Кирьяну.

— Слыхал? Алексея тоже сюда!

— Слушаюсь, князь!

Вошел княжич Ургин.

Филипп шагнул к нему.

— Похож! И на батюшку, князя Дмитрия, такой же статный, сильный, и на матушку покойную Ульяну. Ее глаза и овал лица. Здравствуй, Алексей Дмитриевич!

Алексей посмотрел на отца.

— Знакомься, сын. Это Филипп, до пострижения — Федор Колычев.

— Тот самый?.. — Алексей повернулся к Филиппу: — Прости, отче! Батюшка много о тебе рассказывал.

— Ладно, Лешка, иди! — заявил отец. — Глафира твоя, поди, беспокоится. А ей волноваться нельзя.

— Да, отец. Благослови, отче!

Филипп перекрестил Алексея Ургина.

— Бог благословит.

Княжич ушел.

— Вот такой у меня сын, Филипп!

— Хороший сын, Дмитрий. Сразу видно.

— Да, с сыном и его семьей живу то здесь, то на селе, в Благом. А Ульяны и Агафьи нет со мной. Они на кладбище. Не убе-рег я их.

— На все воля Божья, Дмитрий.

— И на происки князей Старицких, от которых до сих пор тянутся нити заговоров по Руси? Я был с Иваном во время его болезни. Тогда княгиня Ефросинья подбивала бояр не принимать клятву на верность малолетнему наследнику, желала посадить на трон своего сына Владимира Старицкого. Но царь встал, поправился назло всем врагам. Я сопровождал его и в поездке на Белоозеро...

— Я слышал историю гибели младенца Дмитрия, — тихо сказал Филипп.

— А знаешь ли о том, что крепления сходен, на которые ступила семья царя, были обрезаны, оттого люди и сорвались в воду?

Филипп внимательно посмотрел на Ургина.

— Нет, Дмитрий, о том не слышал. До меня дошло лишь то, что сходни случайно перевернулись и все оказались в воде. Когда Дмитрия вытащили из реки, он был уже мертв.

— А на самом деле кто-то устроил гибель наследника. Я уверен, что тут тоже не обошлось без Старицких.

— Расскажи подробнее о том случае, — попросил игумен.

В горницу вошел Кирьян, принес мед в чашах.

Как только он вышел, Дмитрий присел рядом с другом детства и юности.

— Я лично, Филипп, осмотрел струг и место крепления схода. Веревки были обрезаны ножом. Младенец в то время уже был мертв. Возле него билась царица, а Иван, словно окаменев, сидел на берегу. Мы проверили людей на струге и недосчитались одного гребца. Стали искать. Нашли в реке, убитого ударом ножа в спину.

Филипп задумался, потом спросил:

— Это было в конце мая?

— Да.

— Интересно. А осенью позапрошлого года в монастыре появился странный человек лет сорока пяти. Спросил я его, откуда родом, кто такой и почему решил оставить мирскую жизнь. Он ответил, что зовут его Федором Кучером, жил в Москве, служил у Старицких, жена померла, дети сами по себе. Причиной отречения от мирской жизни стал страшный великий грех, который давит, зовет в могилу. Потому и пошел он в дальний монастырь замаливать тот грех, совершенный по принуждению. Не стал я больше его пытаться, принял этого Федора послушником. До сих пор живет на Соловках. Не щадит себя в работе и молитвах. Часто в келье по ночам плачет, кричит во сне. Как-то доложили мне, что однажды он так вот упоминал имя младенца Дмитрия. Мол, не по своей вине загубил дитяtko. О своем ребенке печалится Федор или о царевиче Дмитрии?

— О царевиче? — переспросил Дмитрий. — Может быть. Но насколько помню, а память у меня, слава Богу, до сих пор хорошая, ни на струге, ни в страже, ни среди обозных людей никакого Федора Кучера не было. Того человека, который перерезал крепления схода, звали Кузьмой Бородатым. Мы нашли его в воде, с камнем на шее да раной в спине.

— Но Федор мог и не под своим именем прийти в монастырь.

— Мог, если опасался мести тех, кому служил. Надо бы, Филипп, допрос этому Федору учинить, выведать, о каком Дмитрии он печалится, за что терзает себя.

— Думаю, Дмитрий, спешить не след. Младенца уже не вернуть. А там, глядишь, сам придет покаяться. Должен!.. Слишком тяжкий груз в душе носит этот послушник.

— Но коли не придет, то ожидай меня на Соловках. Я с ним говорить буду.

— Хорошо.

Ургин спросил:

— А ты на Москве по делам или как?

— По делам, конечно, Дмитрий. Просто так из Соловков в Москву вряд ли стоит ехать.

— Да, путь не близкий. К митрополиту?

— К Ивану!

— Вот как? А я как раз хотел узнать, пойдешь ли к нему. Тогда завтра с утра вместе в Кремль и поедем.

— Хорошо, Дмитрий. Хочу по Москве пройтись. Помнишь, как в юности гуляли?

— Да ты-то больше за книгами сидел, а я погулял на славу.

— Григорий, брат Ульяны, с тобой или сам по себе в доме родителей живет?

— Погиб Гришка, Филипп, защищая от татар село Благое.

— Вот оно как. Земля ему пухом. — Филипп трижды перекрестился.

Ургин вызвал слугу, который появился тут же.

— Приготовь постель гостю в соседней горнице, все еще раз проверь на дворе да ложись спать.

— Слушаюсь!

Кириян исчез.

А Дмитрий Ургин и Филипп, в миру Федор Колычев, еще долго сидели в горнице князя, вспоминали молодость, поход на Казань, Ульяну. Им было о чем поговорить.

Утром после молитвы и трапезы Дмитрий и Филипп направились к Кремлю в сопровождении Кирияна да Петра Лемеха, ратника дружины Ургина. Старший дворцовой стражи провел князя и игумена в царские палаты.

Иван встретил Филиппа с радостью, обнял его.

— Здравствуй, отче! Рад видеть тебя.

— Многих лет тебе, государь!

— Благодарю. Да вы проходите, Дмитрий, отец Филипп, присаживайтесь на лавки. Поговорим, а время подойдет, и отобедаем вместе.

Царь сел в кресло, князь Ургин и Соловецкий игумен устроились на лавке, устланной дорогими коврами.

— Поначалу дело решим, да, Филипп? Ведь ты же приехал с Соловков не только ради встречи с друзьями?

— Так, государь.

— Говори, что за дело у тебя ко мне, не стесняйся. Ты и Дмитрий — мои истинные друзья. Вы в детстве жизнь мне спасли, поддерживали как могли, обороняли, защищали, до конца исполнили клятву, данную моему отцу.

Филипп достал две грамоты.

— Девять лет назад, государь, твоим повелением монастырю было разрешено беспошлинно продавать соль по десять тысяч пудов в год. Ты подтвердил данное право вот этой грамотой, а два года назад отменил его другой. — Филипп поднял вторую грамоту. — Правда, взамен ты пожаловал нам другие милости, но беспошлинная торговля приносила неплохой доход, позволявший укреплять монастырь, строиться, расширяться. Хочу узнать, почему ты принял такое решение.

— А ну-ка дай запретную грамоту. — Иван Васильевич посмотрел документ. — Да, подпись моя, печать царская. Почему лишил данного права? Деньги в казну требовались на астраханский поход да на укрепление новых границ. Ты вот, Филипп, монастырем управляешь, а мне приходится обо всем государстве думать. Решим так. Все солеварни, принадлежащие монастырю, я от оброка освобожу. Только все сделать надо как положено. Подашь челобитную, получишь царскую грамоту. Сегодня же! Это тебя устроит?

— Да, государь, благодарю!

— Что еще просишь?

— Больше ничего.

— Подумай, Филипп.

— Подумал. То, что хотел, получил.

— Ну и хорошо.

— Мы с Дмитрием ночью долго беседовали. Он рассказывал о рождении твоего сына Федора, с чем искренне поздравляю тебя, и о том, что теперь ты собираешь поход на Ливонию.

— За поздравления благодарю, только болеет Федор.

— Так ему три месяца всего, подрастет — окрепнет.

— Молюсь о том и надеюсь. А с Ливонией что делать, Филипп, коли она не исполняет условия перемирия, заключенного еще с моим дедом? Ливония должна ежемесячно вносить дань за город Юрьев. Срок перемирия истек, а орден словно забыл о своих обещаниях. Пришлось напоминать. Года три назад я потребовал возврата недоимок и предложил продолжить перемирие. Как видишь, ни о какой войне и речи не шло. Соблюдай уговор и живи спокойно. В этом мы должны были получить первую выплату долга за Юрьев, но ничего подобного не последовало. Кроме того, дабы облегчить торговлю, весной на берегу Нарвы мы поставили порт. Не забыл я и дело Ганса Шлитте, хотя со времени несправедливого суда над ним прошло девять лет. Я поручил Шлитте завербовать в Европе и привезти в Москву мастеров разных ремесел: зодчих, докторов, печатников. Тех, в ком сильно нуждалась Русь. Шлитте набрал около трехсот человек и направил их в Москву двумя обозами. И что? Одних арестовали и засадили в тюрьму. Вторых вместе с самим Шлитте задержали в Любеке. Ганс попытался пробраться в Россию, но был пойман и казнен. Этот произвол как понимать? Понятно, Ливонский орден опасался, что мастера, завербованные Шлитте, усилят мощь Руси. Но зачем поступать так подло, гнусно? На переговорах я напоминал ливонским послам о безобразиях, твоимых орденом, но они будто оглохли. Что ж, не слышат слов, уши им прочистят пушки. Не желают пропускать торговые суда в наш порт, займем Нарву. Не знаю, о чем думают рыцари Ливонского ордена. Видимо, наши победы ничему не научили их. Сами ослаблены поражением в конфликте с польским королем Сигизмундом Вторым Августом, расколоты в результате церковной распри и все туда же, воевать с Русью. Но не хотят они мира, значит, быть войне. Я не намерен уступать и позволять попира́ть интересы своего государства. Рыцари узнают, что представляют собой русские воины.

Филипп тихо спросил:

— А нельзя ли, государь, еще раз попробовать договориться с Ливонией?

— Ты, Филипп, видимо, плохо услышал то, что я сказал. Мы пытались договориться по-хорошему, не получилось. И не по нашей вине. Может, мне еще на поклон к ним пойти? Этому не бывать! Ливонцам надо думать о том, как быстрее поправить дело, не допустить вторжения наших войск на свою землю. Для этого надо только выплатить долг и подписать новые условия перемирия. Все! Никакого похода не будет! Но нет. Уперлись рыцари. Что ж, дело, как говорится, хозяйское.

В палаты вошла царица, поздоровалась с князем Ургиным, поклонилась игумену, что-то шепнула Ивану и неспешно вышла.

Дмитрий спросил царя:

— Случилось что, государь? Может, нам уйти?

— Нет, ничего не случилось. Анастасия спросила, пойду ли я с ней и сыновьями. Я сказал, что позже прогуляемся. День большой. — Царь глубоко вздохнул. — Страшно мне за нее. Болеть стала часто. То одна хворь прицепится, то другая.

— И давно, государь? — спросил Филипп.

— Да уж второй год, наверное. Как Ивана родила. А после Федора хуже стало.

— А Иван как?

— Ничего. Тоже иногда болеет, но разве в младенчестве по-другому бывает? Хотя Дмитрий крепче был. Как сейчас помню, беру его после купания, а он ручонками машет, бороду теревит, улыбается. Сам весь такой розовый, сбитый, тяжеленький. Был!.. Сгубили враги первенца. Эти злодеи рядом, на подворье Старицких. У меня нет доказательств их вины, но все от них. Разгромить бы это осиное гнездо, да не по закону. Дмитрия забить не могу. Смотрю на Ивана, а вижу его. Анастасия тоже. Плачет, когда вещи его перебирает. Все сохранила, в сундучке держит, страдает. Да и я, что скрывать. Иногда страшные мысли приходят. Первые дочери родились нормальными, здоровыми, но умерли, не прожив и года. Дмитрий был убит на глазах у отца и матери. Вдруг и моя внезапная болезнь, и хвороба Анастасии — продолжение дел проклятых врагов? Не Ефросинья ли порешила сгубить и Настеньку?

Голос подал Филипп:

— Разобраться бы во всем этом, государь. Может, страхи твои и напрасны. А царицу ты береги. Она ослабела от родов, но поправится. А еще лучше, как время свободное выпадет, приезжай-ка ко мне на Соловки, государь. Вместе с семьей! Вот где отдохнете спокойно, наберетесь живительной силы.

— Спасибо, Филипп. Может, и приедем, но сейчас, сам видишь, забот много.

— А разве осмотреть северные границы Руси — не государственные дела?

— Всею свой черед. Сейчас на первом месте Ливония. Запад. Но нельзя забывать, что главным врагом Руси было и остается Крымское ханство в союзе с Турцией. Они еще проявят себя. Войны с Крымом не избежать. Но мы готовы к ней. Впереди освоение Сибири. Там несметные богатства, могущество Руси. Мы пойдем туда. Позже. Видишь, отец Филипп, сколько дел впереди.

— Да, государь, ты поистине великий царь. В моих словах нет ни капли лести. Ты прекрасно знаешь, что я никому и никогда не льстил. Как и князь Ургин.

— Я хорошо вас знаю. Но время помолиться да идти в трапезную, где все уже готово к праздничному обеду.

— А что за праздник сегодня, государь? — спросил Ургин.

— Большой праздник, Дмитрий. Я встречаю настоящих друзей.

— Митрополита надо бы позвать, — проговорил Филипп. — А то неудобно выйдет. Я сперва должен был к нему явиться.

— Ничего. Владыка приедет. За ним уже послали. Идемте в собор.

После обеденной трапезы Филипп получил от государя грамоту об отмене пошлины на соляную торговлю и поехал с Макарием на его подворье. Иван отправился на прогулку с супругой и детьми.

Ургин вернулся домой и вечером того же дня узнал, что Филипп срочно отбыл на Соловки. Дмитрию не давала покоя мысль о послушнике Федоре Кучере, нашедшем приют в Соловецком монастыре.

Князь велел Кирьяну позвать к нему сына.

Тот не заставил отца ждать.